

Роберт Асприн

Ещё один великолепный миф

Эта книга посвящается Борку

Неуничтожимому (известному меньшим
смертным как Джордж Хант), чья грубова́тая,
но верная дружба помогла мне преодолеть
много кризисов в прошлом... и, вероятно, в
будущем!

ГЛАВА 1

«Есть многое на свете, друг Горацио, что и
не снилось нашим мудрецам».

Гамлет

Одно из немногих все искупляющих качеств наставников, думаю я, заключается в том, что их при случае можно одурачить. Это было верно, когда мать учила меня читать, это было верно, когда отец пытался научить меня быть фермером, и верно теперь, когда я обучаюсь магии.

— Ты не практиковался! — прервал мои размышления резкий упрек Гаркина.

— А вот и нет! — возразил я. — Это просто трудное упражнение.

Словно в ответ левитируемое мною перо начало дрожать и колебаться в воздухе.

— Ты не сосредотачиваешься! — обвинил он меня.

— Это все ветер, — не согласился я. Мне хотелось добавить: «От твоего умного языка»,

но я не посмел. Гаркин в самом начале наших уроков продемонстрировал свое неумение ценить дерзких учеников.

— Ветер! — презрительно фыркнул он, передразнивая меня. — Вот так надо, болван!

Мой мысленный контакт с предметом моей сосредоточенности прервался и остановился, когда перо дернулось и взмыло к потолку. Оно дернулось и остановилось, словно вонзившись во что-то, хотя все еще находилось в футе от деревянных стропил, а потом стало медленно вращаться в горизонтальной плоскости. Потом, оно также медленно стало вращаться вокруг своей оси, а затем поменяло концы и начало скользить по невидимому кругу, словно подхваченный смерчем лист.

Я рискнул взглянуть на Гаркина. Тот развалился в кресле, болтал ногами, явно посвятив свое внимание пожиранию жареной ножки ящероптицы, пойманной, могу добавить, мной. Ничего себе сосредоточенность!

Он вдруг поднял глаза и наши взгляды встретились. Отвращаться было слишком поздно и я поэтому просто поглядел на него в ответ.

— Проголодался? — его измазанная жиром борода с проседью сделалась вдруг обрамленной волчьей усмешкой. — Тогда покажи мне, много ли ты практиковался?

Мне потребовалось всего мгновение, чтобы понять, что он имел в виду, а затем я с отчаяньем поднял глаза. Перо кувыркалось к

полу едва на высоте плеч от приземления.

Заставив внезапно напряжение покинуть мое тело, я мысленно протянул руку... мягко... образуя подушку... не сшибая его...

Перо остановилось в двух ладонях от пола. Я услышал тихий смехок Гаркина, но не позволил этому нарушать мою сосредоточенность. Я три года не давал перу коснуться пола, оно не коснется его и сейчас.

Я медленно поднял его, пока оно не вспарило на уровне глаз. Обернув его своей мыслью, я стал вращать его вокруг своей оси, а затем заставил поменять концы. Покуда я проделывал с ним эти упражнения, его движения не были такими гладкими и уверенными, как тогда, когда этой задаче

уделял внимание Гаркин, но оно безошибочно двигалось по заданному ему пути.

Хотя я не практиковался с пером, я все-таки практиковался. Когда Гаркина не бывало поблизости или он был занят своими собственными исследованиями, я посвящал большую часть своего времени левитированию металлических предметов, а если точнее ключей. Каждому виду левитации присущи свои собственные проблемы. С металлом трудно работать, это материал инертный. Перо, бывшее когда-то частью живого существа, откликалось легче... намного легче. Для поднятия металла требовалось усилие, для маневрирования пером требовалась легкость. Я предпочитал работать с металлом. Мне виделось более

пря́мое при́мене́ние э́того уме́ния в изб́ранной мно́й профе́ссии.

— Доста́точно хоро́шо, мальчу́ган! А те́перь по́ложи е́го о́братно в кни́гу.

Я улы́бнулся про се́бя. По э́той ча́сти я нап́рактиков́ался не из-за е́е по́тенциальнóго при́мене́ния, а по́тому, что э́то ме́ня забавля́ло.

Кни́га ле́жала в расќрытом ви́де в конце́ рабо́чего сто́ла. Я опу́стил пе́ро по дли́нной ле́нивой спи́рали, да́вая е́му слеѓка пройт́ись по стра́ницам кни́ги, под́нял вверх по кру́той ду́ге, оста́новил и по́вел о́братно. А коѓда о́но во второ́й раз при́близи́лось к кни́ге, я освободил часть сво́его для бро́ска к кни́ге. Коѓда пе́ро чиркну́ло по стра́ницам, кни́га захлопну́лась, слов́но че́люсти голо́дного

хищника на метательном снаряде в пределах их досягаемости.

— Хммм... — протянул Гаркин. — Чутьочку на показ, но эффектно.

— Всего лишь малость того, что я разработал, пока практиковался, — небрежно бросил я, мысленно протянув руку к другой ножке ящероптицы. Однако вместо того, чтобы грациозно проплыть к моей руке, она осталась на деревянной тарелке, словнопустила туда корни.

— Не так быстро, мой маленький воршичка. Значит, ты практиковался, да? — он задумчиво огладил бороду, не выпуская из рук полубогрызенную кость.

— Ра́зуме́ется. Разве не за́метно? — мне пришло в го́лову, что Га́ркина не так лёгко о́дурачить, как и́ногда ка́жется.

— В та́ком слу́чае я хо́тел бы по́смотреть, как ты за́жжешь све́чу. Е́сли ты пра́ктиковался так мно́го, как утве́ждаешь, э́то дол́жно быть лёгко.

— Я не возра́жаю про́тив по́пытки, но как вы са́ми го́ворили, од́ни уро́ки да́ются лёгче, чем дру́гие.

Хо́тя я на́пускал на се́бя уве́ренный вид я все-та́ки пал ду́хом, ко́гда в от́вет на вы́зов Га́ркина бо́льшая све́ча по́плыла к ра́бочему сто́лу. За че́тыре го́да о́буче́ния я е́ще не и́мел успе́ха в э́том о́собом упра́жне́нии. Е́сли Га́ркин не со́бирался подпу́скать ме́ня к е́де,

по́ка я не преуспею, то видимо мне, дол́гое
вре́мя придется ходить голо́дным.

— Послу́шай, э-э, Гар́кин, мне пришло в
го́лову, что я, ве́роятно, лучше мо́гу
сосре́доточиться на пол́ный желу́док.

— А мне пришло в го́лову, что ты
обма́нываешь.

— Разве мне нель́зя...

— Присту́пай, Скив.

Коль скоро он употре́бил моё надле́жащее
и́мя, его́ бы́ло уже не поко́лебать. Уж э́то-то я
за э́ти го́ды усво́ил хоро́шо. Мальчу́ган, вор,
иди́от, репо́головый — все э́ти и́мена хо́тя и
уни́зительны, но по́ка он приме́нял их, на него́
еще мо́жно бы́ло повли́ять, но как то́лько он
употре́блял моё надле́жащее и́мя, э́то
ста́нови́лось безнаде́жным. И впрямь

огорчительное положение, когда звук твоего собственного имени становится дурным предзнаменованием.

Ну, если нельзя никак уклониться, то мне просто придется посвятить этому все силы. Для такого дела не может быть никаких полуусилий или поддельной сосредоточенности. Мне придется использовать каждую унцию своих сил и умения для вызывания мощи.

Я отвлеченно изучал свечу, отражая предстоящие усилия от своего сознания. Помещение, громаженный рабочий стол, Гаркин, даже мой собственный голос постепенно исчезали из виду, когда я сфокусировался на свече, хотя я давным-давно запомнил все ее особенности.

Она была толстой, почти шесть дюймов в поперечнике, чтобы стабилизировать ее десятидюймовую высоту. На ее поверхности я вырезал многочисленные мистические символы, старательно скопировав их по указанию Гаркина с его книг, хотя многие из них были частично уничтожены затвердевшими ручейками воска. Свеча горела много долгих часов, освещая мои занятия, но всегда зажигалась от очага, а не от моих усилий.

Негативное мышление. Прекрати.

На этот раз я зажгу свечу. Я зажгу ее потому, что нет никаких причин, чтобы не зажечь ее.

Сознательно углубляя дыхание, я начал накапливать мощь. Мой мозг сузился еще

больше, пока в сознании не остался только свернувшийся, почерневший фитиль свечи.

Я — Скив. Мой отец связан прочными узами с землей. Моя мать была образованная женщина. Мой учитель — мастер-маг. Я — Скив. Я зажгу эту свечу.

Я почувствовал, что сам становлюсь теплым, когда во мне начала возрастать энергия. Я сфокусировал жар на фитиле. Подобно своему отцу, я черпаю силу от земли. А знания, данные мне матерью, подобны линзе, они дают мне возможность сфокусировать то, что я приобрел. Мудрость моего учителя направляет мои усилия на те точки вселенной, которые вероятнее всего поддадутся моей силе, моей воле. Я — Скив.

Свеча оставалась незажженной. На лбу у меня выступил пот, я начал дрожать от напряжения. Нет, это неправильно. Мне не следует напрягаться. Расслабься. Не пытайся нажимать. Напряженность мешает течению. Дай энергии проходить свободно, служи ей пассивным проводником. Я заставил мышцы лица и плеч обмякнуть и удвоил свои усилия.

Течение стало заметно интенсивнее. Я почти видел, как энергия струится от меня к моей цели. Я вытянул палец, на котором еще больше сфокусировалась энергия. Свеча оставалась незажженной.

Я не могу этого сделать. Негативное мышление. Прекрати. Я — Сквив. Я зажгу свечу. Мой отец... Нет. Негативное мышление.

Не полагайся по части своей силы на других.

Я зажгу свечу, потому что я — Скив.

За эту мысль я был вознагражден внезапным приливом энергии. Я умножил усилия, опьяняясь мощью. Я — Скив. Я сильнее любого из них. Я сбежал от попытки отца приковать меня к плугу, как он приковал моего брата. Моя мать умерла из-за своего идеализма, но я использовал ее наставления для выживания. Мой учитель — доверчивый дурак, взявший в ученики вора. Я обставляю их всех. Я зажгу свечу. Я — Скив.

Теперь я плавал. Я осознавал, какими карликами делали мои способности тех, кто меня окружал. Неважно, зажгу я свечу или нет. Я — Скив. Я — могуч.

Я почти презрительно протянул мысленно руку к фитилю. Словно в ответ на мою волю появилось маленькое яркое тление.

Пораженный, я выпрямился, а потом моргнул, глядя на свечу. Когда я это сделал тление исчезло, оставив в ознаменование своего события маленький белый дымок. И я слишком поздно сообразил, что нарушил сосредоточенность.

— Великолепно, мальчуган!

Гаркин вдруг оказался рядом со мной, с энтузиазмом колотя меня по плечу. Долго ли он был тут, я не знал и не интересовался.

— Она погасла, — уныло проговорил я.

— Это неважно. Ты зажег её. Теперь у тебя есть уверенность. В следующий раз это будет

легче. Клянусь звездами, мы ещё сделаем из тебя мага. Вот, ты, наверное, проголодался.

Я едва успел вовремя понять руку и перехватить ножку ящероптицы, прежде чем та шмякнула меня по морде. Она уже остыла.

— Не стану скрывать, мальчуган, я уже начал отчаиваться. Что сделало этот урок таким трудным? Разве тебе не приходило в голову, что ты можешь воспользоваться этим заклинанием для получения добавочного света, когда будешь взламывать замок, или же для устройства пожара, чтобы отвлечь внимание?

— Я думал об этом, но добавочный свет может как раз привлечь нежелательное внимание. Что касается отвлечения его, то

боюсь, что при этом кто-то пострадает. Я не хочу этого. Я просто...

Я остано́вился, сли́шком поз́дно сообра́зив, что говорю. Тяжё́лый удар га́ркинско́го кула́ка отпра́вил ме́ня с табу́рета на пол.

— Так я и ду́мал! Ты все е́ще за́мышля́ешь стать во́ром! Ты хо́чешь испо́льзовать мою ма́гию для краж!

Он был у́жа́сен в сво́ей я́рости, но на сей раз я дал е́му отпор.

Ну и что из этого ? — за́рычал я. — Э́то куда́ луч́ше, чем голо́дать. И во́обще, что тако́го хоро́ше́го в том, что́бы быть ма́гом? Я хо́чу ска́зать, что твой здеш́ний о́браз жи́зни вы́зывает у ме́ня про́сто не́удержи́мое же́лание до́стичь то́го же.

Я по́казал на загро́можденную ко́мнату,
соста́вляющую все внутре́нее про́странство
хи́жины.

— Послу́шайте, как жа́луется э́тот
волчо́нок! — фы́ркнул Га́ркин. — Он был
доста́точно хо́рош для те́бя, ко́гда зи́ма
выгна́ла те́бя во́ровать из ле́са. «Э́то куда
лучше́, чем спать под ку́стом», — сказа́л ты.

— И все е́ще лучше́. Вот по́чему я все е́ще
здесь. Но я не со́бираюсь про́водить здесь
оста́ток сво́ей жи́зни. Пря́таться в лесно́й
избу́шке — не моё предста́вление о бу́дущем.
Ты жил, пи́таясь корня́ми и я́годами, по́ка я не
при́шел и не на́чал ло́вить мя́со для о́чага.
Мо́жет быть, ты, Га́ркин, так и предста́вляешь
себе́ сча́сливую жи́знь, но я — нет!

Несколько долгих мгновений мы жгли друг друга взглядами. Теперь, выплеснув свой гнев, я более чем малость побаивался. Хотя я и не имел широкого опыта в этой области, но подозревал, что насмеяться над магом

— не самый лучший способ обеспечить себе долгое и здоровое будущее.

Удивительно, но первым уступил Гаркин. Он вдруг потупил взгляд и склонил голову, предоставив мне обозреть массу нечесанных волос у него на макушке.

— Наверно, ты прав, Скив, — голос его стал странно мягким. — Наверное, я показывал тебе все труды магии, но не вознаграждение за них. Я постоянно забываю, как подавлена магия в этих краях.

Он поднял голову, встретился со мной взглядом, и я содрогнулся как от удара. В глубине его глаз горел никогда не виденный мной раньше огонь.

— Знай же, Скив, что не все края похожи на этот, и я не всегда был таким как сейчас. В краях, где магию признают, а не страшатся, как здесь, те кто находится у власти, уважают и заказывают ее. Там умелый маг, держащийся на чеку, может пожать в сто раз больше богатства, чем ты собираешься добыть воровством, и приобрести такую власть, что...

Он вдруг оборвал свою речь и помогал головой, словно прочищая ее. Когда он снова открыл глаза, огонь, увиденный мной ранее ярко горящим в его глазах спал до тления.

— Но слова не производят, я вижу, на тебя впечатления, не так ли, мальчуган? Пойдем, я покажу тебе небольшую демонстрацию той власти, которую ты однажды сможешь держать в своих руках — если будешь практиковаться в своих уроках.

Веселость в его голосе была принужденной. В ответ я кивком выразил свое согласие. По правде говоря, я не нуждался ни в какой демонстрации. Его тихая краткая речь нагнала на меня куда больше благоговейного страха, чем любая гневная тирада или демонстрация, но я не посмел противоречить ему в такое время.

Не думаю, чтобы он действительно заметил мой ответ. Он уже шагнул к большой пентаграмме, навсегда начертанной на полу

хижины. На ходу он сделал рассеянный жест, и покрытая сажей медная жаровня шмыгнула со своего места в углу встретить его в центр пентаграммы.

У меня хватило времени на воспоминания о том, что эта жаровня и привлекла меня сперва к Гаркину. Я вспомнил, как первый раз смотрел через окно его избушки, стремясь разглядеть ценные вещи для последующий кражи. Я увидел Гаркина таким же, каким часто видел его с тех пор, — беспокойно расхаживающим взад-вперед по помещению, уткнувшись носом в книгу. Это само по себе было удивительным зрелищем, ибо чтение — не самое обычное времяпрепровождение в этой области. Но мое вниманиехватила жаровня. Она скакала по помещению, следуя

за Гаркиным, словно нетерпеливый щенок, который немного слишком вежлив, чтобы прфгнуть на своего хозяина для привлеченія его вниманія. Затем Гаркин оторвался от книги, задумчиво уставился на свой рабочий стол, затем кивнул, приняв решение и сделал жест. Из кучи всякой всячины поднялся горшок с неопознанным содержимым и поплыл к его поджидавшей руке. Он поймал его, снова сверился с книгой и, не поднимая глаз, вылил часть. Быстрая, как кошка, жаровня, протиснулась ему под руку и поймала вылитое, прежде чем оно достигло пола. Вот так то я и познакомился с магией.

Что-то рывком вернуло мое внимание к настоящему. Что именно? Я проверил, как идут дела у Гаркина. Он все еще трудился,

полускрытый плавающим облаком пузырьков и кувшинов, что-то бормоча, когда выдергивал один такой из воздуха и добавляя его содержи́мо́е в жаровню. Над чем бы он там ни труди́лся, зрелище обеща́ло быть захва́тыва́ющим.

За́тем я снова услы́шал его — приглу́шенный шаг за стено́й избу́шки. Но ведь э́то было́ нево́зможно! Гаркин всегда устанавли́вал... Я на́чал копа́ться в па́мяти и не мог вспо́мнить, устано́вил ли Гаркин за́щитный по́лог, пре́жде чем присту́пить к рабо́те. Не́лепо. Осто́рожность бы́ла пер́вым и са́мым ва́жным де́лом, что вдо́бил в ме́ня Гаркин, и ча́стью остано́жности явля́лось устано́вление за́щитного по́лога, ко́торый не́обходи́мо бы́ло устано́вить пе́ред рабо́той.

Он не мог забыть... но он был несколько распаден и отвлечен.

Я все еще решил, не следует ли мне прервать труд Гаркина, когда он вдруг отступил на шаг от жаровни. Он парализовал меня взглядом и предупреждение замерло у меня в голове. Не время было навязывать при такой ситуации реальность. В глаза его вернулся огонь, сильнее, чем прежде.

— Даже демонстрация должна дать тебе урок, — поучающе заявил он. — Контроль, Сквив. Контроль — это оплот магии. Бесконтрольная мощь — это катастрофа. Вот почему ты практикуешься с пером, хотя можешь передвигать куда более крупные предметы. Контроль. Даже твои скудные силы были бы опасны без контроля, и я не стану

у́чить те́бя овладе́вать больши́ми си́лами, по́ка ты не на́учишь́ся э́тому ко́нтролю́.

Он ша́гну́л прочь́ из пента́граммы́.

— Что́бы проде́монстриро́вать те́бе ценно́сть ко́нтроля́, я сей́час вы́зову́ де́мона, су́щество из дру́гого ми́ра. Он мо́гуч, зло́бен и жесток и у́бьет нас о́боих, е́сли е́му дать шанс. И все же, несмо́тря на э́то, бо́яться нам е́го не́зачем, по́тому что он бу́дет на́ходится́ под ко́нтролем. Он не смо́жет при́чинить́ нам вре́да, нам и́ли е́ще че́му-ни́будь в э́том ми́ре, по́куда он со́держит́ся в э́той пента́грамме́. А те́перь смотри́, Скив. Смотри́ и учи́сь.

Ска́зав э́то, он о́пять по́вернул́ся к жаро́вне. Он развёл́ ру́ки в сторо́ны, и ра́зом о́жили́ пять све́чей по уѓлам пента́граммы́ и ли́нии е́е на́чали пы́лать жу́тким го́лубым све́том.

Несколько минут царяла тишина, а затем он стал тихо и неразборчиво читать нараспев заклинание. Из жаровни появилась ниточка дыма, но не поднялась к потолку, а полилась на пол и начала образовывать небольшое облако, которое пульсировало и бурлило. Пение Гаркина сделалось еще громче, и облако выросло, потемнело. Жаровню уже почти не было видно, но там... в глубине облака... что-то приобретало очертания...

— Иштван шлет тебе привет, Гаркин!

При этих словах я чуть было не выпрыгнул из собственной шкуры. Они прозвучали внутри хижины, но не из пентаграммы! Я резко обернулся к их источнику.

Непосредственно в дверях стояла ослепительная фигура в пылающем золотом

плаще. Какой-то безумный миг я думал, что это демон ответил на вызов Гаркина, но потом я увидел арбалет. Это был, конечно, человек, спору нет, но заряженный и взведенный арбалет в его руках мало способствовал моему душевному спокойствию.

Гаркин даже не обернулся.

— Не сейчас, дурак! — рявкнул он.

— Охота была долгой, Гаркин, — продолжал тот, словно не слыша. — Ты хорошо спрятался, но не рассчитывался же ты в самом деле скрыться от...

— Ты смеешь?! — ужасный в своем гневе Гаркин резко обернулся.

Вошедший увидел теперь лицо Гаркина, увидел его глаза, его лицо исказилось в гротескной маске страха. Он рефлекторно

выстрелил из арбалета, но слишком поздно. Я не видел, что именно сделал Гаркин, но вошедший вдруг исчез в слое пламени. Он пронзительно закричал в агонии, и упал на пол. Пламя исчезло так же внезапно, как и появившись, оставив только дымящийся труп, как доказательство того, что оно действительно существовало.

Несколько мгновений я оставался приросшим к месту прежде чем смог двигаться или говорить.

— Гаркин... — произнес я наконец. — Я...
Гаркин!

Тело его мешком лежало на полу. Я одним прыжком очутился рядом с ним, но очутился чересчур поздно. Из его груди торчала

арбалетная стрела. Гаркин дал мне свой последний урок.

Когда я нагнулся коснуться его тела, то заметил нечто такое, от чего кровь застыла у меня в жилах. Его труп полускрывал погасшую свечу в северном углу пентаграммы. Линии больше не пылали голубизной. Защитное поле заклинаний пропало.

С мучительным усилием я поднял голову и встретился взглядом с парой желтых глаз с крапинками золота, не принадлежащих этому миру.